

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.
СОСТАВ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЗАДАНИЙ СИСТЕМЫ****Сергей Павлович ОЛЕЙНИК^{а*}, Лариса Ивановна МАТЫНА^б**

^а кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой маркетинга и управления проектами, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Москва, Российская Федерация
0111959sp@mail.ru

^б кандидат технических наук, доцент, начальник координационного центра дополнительного образования, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Москва, Российская Федерация
dci@miee.ru

* Ответственный автор

История статьи:

Получена 20.04.2017
Получена в доработанном виде 14.07.2017
Одобрена 18.08.2017
Доступна онлайн 28.09.2017

УДК 339.54

JEL: F13, H11

Аннотация

Предмет. Неопределенность контуров формирующегося миропорядка, связанная с несовпадением ожидавшихся перспектив глобализации с текущими результатами ее реализации, усугубляемая затянувшимся экономическим кризисом, с одной стороны, и усиливающаяся регионализация хозяйственных связей, обещающая стать равновесным состоянием мировой экономической системы на длительную перспективу, с другой, обуславливают активное государственное присутствие в сфере внешнеторговых отношений. Поэтому устройство и механизм действия современной системы государственного регулирования внешнеторговой деятельности, выступающие предметом настоящего исследования, представляются актуальными.

Цели. Установление сущности, определение характеристик и выявление особенностей государственного регулирования внешнеторговых отношений как процесса управления, значимого и для регулятора в контексте достижения макроэкономических показателей и требуемых рыночных пропорций, и для участников внешнеэкономических отношений в контексте разработки корпоративной политики управления трансграничными потоками полезностей.

Методология. Исходными данными для исследования стали литературные источники, содержащие результаты анализа функционирования сферы внешней торговли. В ходе исследования были использованы системный подход, метод обобщений, логический анализ, а также элементы теории менеджмента.

Результаты. Раскрыто содержание процесса государственного регулирования внешнеторговой деятельности в его смысловом, структурном и функциональном аспектах. Показано, что процесс регулирования реализуется посредством триады действий в виде установления норм, осуществления мер контроля и применения правовой ответственности, выступающих императивными условиями осуществления внешнеторговой деятельности. Формирующий правовую основу системы административный тип отношений предопределяет ряд фундаментальных характеристик ее функционирования, в том числе негативных, снижающих эффективность регулятивного процесса.

Выводы. Обеспечение эффективности действия системы, базирующейся на неустранимом противоречии интересов регулятора и участника внешнеэкономической деятельности, связано, во-первых, с выбором уровня задающего воздействия, не выталкивающего подчиненную сторону за пределы правового поля, и, во-вторых, с ограничением роли инфраструктуры контроля, искажающей результаты регулирования.

Ключевые слова:

государственное регулирование, внешнеторговая деятельность, инфраструктура контроля, адаптирующаяся система управления

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2017

Для цитирования: Олейник С.П., Матына Л.И. Государственное регулирование внешнеторговой деятельности. Состав функциональных заданий системы // *Экономический анализ: теория и практика*. – 2017. – Т. 16, № 9. – С. 1739 – 1758.
<https://doi.org/10.24891/ea.16.9.1739>

Среди существующих регулятивных государственное регулирование систем, посредством которых регулятор внешнеторговой деятельности занимает реализует функцию управления той или одно из ведущих мест. Это обусловлено иной областью общественной жизни, тем, что объект приложения усилий

регулятивной системы – сфера внешней торговли – наряду с национальным производством напрямую участвует в формировании одного из ключевых факторов динамики рынка – совокупного внутреннего предложения (*рис. 1*), оказывая, таким образом, влияние на взаимное положение фундаментальных рыночных кривых и на состояние экономической составляющей жизни общества, соответственно.

Воздействуя на отношения представителей отечественного бизнеса с иностранными контрагентами, система тем не менее затрагивает в той или иной мере все звенья цепочки создания ценностей и каждый из элементов субъектного состава экономики – производителей, потребителей, инвесторов, в том числе и тех из них, кто не позиционирует себя в качестве участника внешнеэкономической деятельности.

Несмотря на имеющие место утверждения о несовместимости свободной конкуренции и присутствия государства в экономике¹, регулирование внешнеторговой деятельности обнаруживается практически в любой экономической системе. И этому есть свои причины. Одна из таких причин состоит в размытости очертаний того миропорядка, формирование которого происходит в настоящее время в ходе сложных и противоречивых общественных процессов.

До последнего времени господствующая парадигма мирового развития отождествлялась с явлением, испытавшим очередную всплеск внимания к себе на рубеже XX и XXI вв. и получившим название «глобализация», пришедшим на смену существовавшему до сих пор термину «интернационализация бизнеса»² [1, 2]. С точки зрения нелинейной динамики систем [3, 4] данное явление

можно интерпретировать как реализацию общественного запроса на усиление упорядоченности развития глобального мира, что в применении к функционированию экономической подсистемы означает установление единых правил и равных свобод относительно движения товаров, труда и капитала в пределах всего мирового хозяйства для всех субъектов экономических отношений.

Однако изначальная неоднородность элементного состава системы, означающая различия в уровне развития субъектов мирового экономического пространства, вкупе с выгодой как доминирующим мотивом поведения, выражающемся в безусловном приоритете действий с позиций национальных интересов, заставляют думать о том, что первоначально заманчивые перспективы глобализации при ближайшем рассмотрении не выглядят гарантированно достижимыми для всех стран – участниц этого процесса.

Не исключена и опасность того, что лозунговый посыл в виде призывов к свободной конкуренции и открытости экономических границ действиями могущественных и поддерживаемых правительствами своих стран транснациональных корпораций, исходно выступающих инициаторами и де-факто являющихся главными бенефициарами глобализации, на деле приведет к тому, что разница в уровне экономического развития отдельных субъектов мировой экономической системы не только не сократится, а напротив, увеличится, ставя под сомнение применимость к отдельным государствам понятия «национальный суверенитет».

Но неприятие туманных перспектив глобализации и даже стремление противодействовать ее бесконтрольному повсеместному проникновению сталкиваются с реальностью запроса на расширение границ экономических систем. Вместе с тем расширение таких границ до пределов мировой системы хозяйствования,

¹ Самуэльсон П. Экономика. Т. 2. М.: Алгон, 1992. 416 с.

² Наряду с отношением к глобализации как к закономерному этапу в развитии капиталистических отношений, переход к которому стал возможен в силу достижений научного прогресса, особенно в сфере коммуникаций и информационных технологий, существует мнение о ней как о рукотворной политике, родившейся в США после Второй мировой войны.

по-видимому, связано с потерей ею устойчивости хотя бы по той причине, что с ростом масштаба порядка растет вероятность наступления хаоса (роста энтропии) [5]. В качестве направления смягчения обозначенного ранее противоречия может рассматриваться продолжающийся в сфере межгосударственного сотрудничества процесс регионализации хозяйственных связей, в котором одни видят альтернативу затормозившейся глобальной упорядоченности экономических отношений³, а другие воспринимают его как последовательное движение в направлении становления глобализации [2, 6].

Только за последнее десятилетие к существующим региональным экономическим объединениям таким, например, как Евросоюз (страны Европы) [7], АСЕАН (страны Юго-Восточной Азии) [8, 9], МЕРКОСУР (страны Южной Америки), НАФТА (североамериканские страны), Содружество Независимых Государств добавились Евразийский экономический союз (2006 г.) [10], Транстихоокеанское партнерство (февраль 2016 г.) [11, 12], Соглашение о свободной торговле Евросоюза и Канады – СЕТА (октябрь 2016 г.). Продолжается работа над соглашением между Евросоюзом и США о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве [13].

При этом регионализация может оказаться вполне равновесным состоянием мировой экономической системы на длительную перспективу. Однако необходимым условием функционирования разного рода региональных объединений таких, например, как экономические, торговые и таможенные союзы, свободные экономические зоны и зоны свободной торговли, является создание системой государственного регулирования внешнеторговой деятельности особых условий хозяйственных отношений членами упомянутых альянсов [14]. Тем самым регионализация хозяйственных

связей обосновывает существование систем государственного регулирования внешнеторговой деятельности как национальных, например, в рамках Содружества Независимых Государств, так и претерпевших региональную унификацию, например, в рамках Евразийского экономического союза.

Все это наглядно иллюстрирует то, что присутствие государства во внешнеторговой сфере имеет свои основания и, следовательно, исследование устройства и механизма действия системы государственного регулирования внешнеторговой деятельности является актуальным для широкого круга заинтересованных лиц.

Цель нашего исследования – установление сущности, определение характеристик и выявление особенностей государственного регулирования внешнеторговых отношений как процесса управления, значимого и для регулятора в контексте достижения макроэкономических показателей и требуемых рыночных пропорций, и для участников внешнеэкономических отношений в контексте разработки корпоративной политики управления трансграничными потоками полезностей.

В настоящее время, как правило, системы управления строятся с использованием цепи обратной связи. Согласно положениям общей теории управления процесс управления в замкнутой системе включает⁴:

- оказание воздействия на объект управления в целях перевода его в новое (заданное) состояние;
- контроль степени достижения результата воздействия и попадания ошибки управления в допустимые пределы;
- корректирующее воздействие, включающее при необходимости изменение алгоритма управления, направленное на минимизацию сигнала рассогласования.

³ Держачев В.А. Глобалистика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 303 с.

⁴ Бескерский В.А. Теория систем автоматического управления. СПб.: Профессия, 2003. 752 с.

В сфере внешнеторговых отношений в качестве объекта регулирования рассматривается любой из объектов гражданских прав, выступающий одновременно предметом соответствующих контрактов либо будучи с ним связанным.

Управляющие воздействия на объекты регулирования оказывают хозяйствующие субъекты, руководствуясь при этом принимаемыми решениями. Указанные решения представляют собой некий компромисс между собственными интересами и обязательствами хозяйствующего субъекта как участника внешнеторгового договора, с одной стороны, и его обязательствами перед системой государственного регулирования внешнеторговой деятельности, с другой. Последние обязательства имеют форму императивных предписаний и содержат дополнительные к гражданско-правовым условия совершения внешнеторговых сделок. С точки зрения регулятивного процесса такие предписания являются *задающими воздействиями*. Соблюдение указанных предписаний – цель контрольных мероприятий. Их неисполнение или ненадлежащее исполнение – ошибка, выступающая основанием для ответственности лиц, допустивших ее возникновение.

Иными словами, государство формулирует условия, только безальтернативное соблюдение которых оставляет хозяйствующим субъектам возможность осуществлять подлежащую регулированию деятельность. Отмеченное концентрированно выражено в следующем определении.

Государственное регулирование внешнеторговой деятельности – создание государством условий ведения внешнеторговой деятельности в виде установления императивных правовых норм (правил), осуществления мер контроля и применения правовой ответственности, оказывающих влияние

*на предпринимательские решения в заданных целях*⁵.

Установление каких-либо условий имеет смысл тогда, когда есть основания полагать, что они будут соблюдены. Источниками соблюдения выступают либо свободное, либо вынужденное волеизъявление субъекта. В последнем случае речь идет о его готовности подчиниться чужой воле. Создаваемые в обществе системы регулирования опираются на тот тип отношений, который сформировался в социуме в результате авторитарного правления, например, монархия; классового доминирования, например, диктатура пролетариата; или общественного договора, например, демократия.

В условиях демократического устройства общества речь идет об определении той отрасли права, в юрисдикции которой отношения участников регулятивного процесса. По причине присутствия в отношениях между бизнесом и государством фундаментальных противоречий, указанные отношения не могут квалифицироваться как гражданско-правовые, в основе которых лежит свобода договора равноправных сторон. Необходимое для функционирования системы соучастия бизнеса в исполнении противоречащих его интересам регулятивных мероприятий в целях, определенных противостоящей стороной, возможно только в результате принуждения, то есть действия во исполнение чужой воли. По этой причине отношения государства с участниками внешнеэкономической деятельности регулируются административной отраслью права, презюмирующей подчиненность зависимой стороны, в данном случае – бизнеса, носителю властных полномочий – государству. Смысл указанных отношений в том, что властная сторона формулирует правила, которые подчиненная сторона обязана либо соблюдать, либо отказаться от

⁵ Олейник С.П. Организация внешнеэкономической деятельности наукоемкого предприятия / под ред. Н.К. Моисеевой. М.: МИЭТ, 2013. 280 с.

намерения заниматься деятельностью, подлежащей регулированию. Действия, не соответствующие или соответствующие не в полном объеме установленным правилам есть противоправные деяния, влекущие за собой административные последствия.

Итак, правовым фундаментом, на котором базируется система госрегулирования внешнеторговой деятельности, является административный тип отношений, изначально предполагающий неравноправие вступающих в них сторон. Это предопределяет логически связанный ряд особенностей системы государственного регулирования, к которым, в частности, относятся:

- повелительный (императивный) характер регулятивных воздействий, означающий безусловную обязательность их исполнения в предписанном содержании и установленной форме безотносительно воли подчиненной стороны;
- действия, не регламентированные законодательством, объявляются властной стороной как предоставленные ей для исполнения по ее разумению в соответствии с природой административного права;
- наличие у доминирующей стороны постоянной возможности усиления регулятивного давления даже в рамках регламентирующих положений, называемого на языке бюрократии «улучшением администрирования»;
- наличие потенциальной возможности преднамеренного искажения нормального хода регулятивного процесса с переводом его в режим развития по коррупционному сценарию.

Приведенные особенности, натурно фиксируемые участниками регулятивного процесса, позволяют сформулировать некоторые характеристики государственного регулирования внешнеторговой деятельности как системы управления, происхождением которых она обязана той

правовой основе, на которой выстроена. Рассмотрим эти характеристики.

Высокий регулятивный потенциал системы выражается в возможности изменения управляющих воздействий, как по виду, так и по величине в широком диапазоне значений, исполнение которых обеспечивается всей мощью государства.

Значительный уровень неопределенности относительно протекания и результата каждого конкретного акта взаимодействия регулятора и участника внешнеэкономической деятельности. Данная характеристика системы управления отмечается прежде всего подчиненной стороной, испытывающей перманентную угрозу чрезмерного использования регулятором властных полномочий. Среди причин такой неопределенности можно выделить по крайней мере две – объективную и субъективную.

Объективная причина заключается в том, что система просто обязана, и порой достаточно оперативно, реагировать на изменение факторов внешней и внутренней среды подстройкой своих регулятивных параметров, к чему участник внешнеэкономической деятельности не всегда успевает подготовиться заблаговременно.

Субъективная же причина обусловлена стремлением отдельных исполнителей контрольных функций регулятора использовать возможности системы в своих частных интересах путем нарочитого усиления давления на участника внешнеэкономической деятельности в виде предъявления избыточных требований. К числу наиболее частых побудительных мотивов такого поведения отдельных представителей власти относятся либо удовлетворение корыстных интересов («коррупционеры»), либо желание иметь своего рода подушку безопасности в виде дополнительно предпринятых действий в отношении объекта регулирования и (или) дополнительно собранных документальных

свидетельств на случай внутрисистемных проверок («ревностные служаки»). Получаем, что именно функция контроля в системе государственного регулирования является основным источником негативных проявлений, и именно она же выступает резервом результативности процесса управления.

По сути все нормотворчество в отношении упорядочения реализации регулятивного процесса направлено на сдерживание регулятора от необоснованного использования полномочий, коими он наделен, то есть на минимизацию субъективных причин указанной неопределенности. Но очевидно и то, что чрезмерное регламентирование властного начала, то есть замена властной функции на функцию статиста, опасно снижением результативности работы системы. Поэтому границы разумной достаточности регулятивного давления оказываются размытыми в силу индивидуальной трактовки разумности представителями регулятора, что и вносит отмеченную ранее неопределенность в ход регулятивного процесса.

Зависимость надежности и качества управления от степени обострения внутреннего противоречия, предопределившего тип правовой основы системы и связанного с фундаментальным несовпадением интересов бизнеса, не жалующего императивные обременения, и государства, генерирующего такие обременения. Негативным проявлением указанного противоречия является осознанное и в известной мере вынужденное стремление отдельных участников внешнеэкономической деятельности осуществлять внешнеторговые операции при частичном (например, «серый импорт») или полном (например, контрабанда) игнорировании установленных правил.

Типовым способом предотвращения реализации противоправных устремлений является совершенствование подсистемы контроля регулятивной системы. Успехи в

данном направлении, базирующиеся на использовании информационных технологий и открывающейся в связи с этим возможности минимизации непосредственных контактов участника внешнеэкономической деятельности и представителей регулятора, способны снизить остроту проблемы, но не в состоянии разрешить указанное противоречие.

В настоящее время создание полностью безлюдной технологии контроля практически нереализуемо. Если, например, в области документального контроля технологии таможенного оформления экспортируемых товаров виртуализация контактов сторон, обусловленная переходом на электронное декларирование, демонстрирует поразительные результаты, то в направлении фактического контроля, основу которого составляет досмотр перемещаемых через таможенную границу грузов, исключение реальных контактов инспектора и представителя участника внешнеэкономической деятельности невозможно, в том числе и по правовым основаниям. Наличие непосредственных контактов создает условия для противоправных договоренностей. Кроме того, наращивание потенциала подсистемы контроля связано с увеличением капитальных вложений и трудозатрат регулятора. Это означает рост себестоимости процедуры контроля, что, несомненно, соотносится с величиной ожидаемого эффекта, но в любом случае не приветствуется.

Однако задача сглаживания разводящего стороны противоречия может иметь дополнительное решение в виде оптимизации количества и значений параметров задающих воздействий. При этом существование оптимальных параметров регулирования обусловлено действием встречно направленных факторов, а их значения связаны с преследуемыми каждой из сторон целями и оцениваются в общем случае по критерию эффективности, то есть по

величине эффекта на единицу затрат. Например, увеличение регулятором ставок таможенных пошлин в целях получения дополнительного фискального дохода одновременно стимулирует контрабанду, которая всегда сопровождается коррупционными процессами, выпадением доходов бюджета и дополнительными расходами на борьбу и с контрабандой, и с коррупцией.

Другой пример. Для участника внешнеэкономической деятельности осуществление внешнеторговых операций как в соответствии с действующими правилами, так и с их нарушением сопряжено с определенными тратами. Выбор пути – результат оценки альтернатив по уровню затрат и рисков. Для того чтобы этот выбор был сделан в пользу легитимных действий, уровень установленного регулятором обременения не должен быть для подчиненной стороны непосильным.

Иными словами, в условиях принципиальной неустрашимости противоречия интересов сторон количество операций, осуществляемых в обход установленных правил, характеризующее надежность и качество управления, все же можно регулировать. Для достижения наилучшего результата необходима настройка режимов функционирования системы, заключающаяся как в выборе соответствующего алгоритма управления и эффективной технологии контроля, так и в установлении параметров задающих воздействий, соотносимых с наличием у подчиненной стороны возможности следовать в направлении, определенном процессом регулирования, без стремления найти обходные пути.

Таковы некоторые особенности системы госрегулирования внешнеторговой деятельности, связанные с типом отношений, лежащих в ее основе. Обратимся теперь к элементам состава системы управления (*рис. 2*).

Основополагающий структурный компонент системы – императивные правовые нормы, выступающие в виде международных договоров государства и внутренних нормативных актов, таких как указы, федеральные законы, постановления и распоряжения правительства, акты иных органов исполнительной власти, наделенных полномочиями разрабатывать и выпускать регламенты по вопросам внешней торговли. С формированием регионального альянса под названием Евразийский экономический союз обязательным элементом нормативной базы регулятивного процесса стали распорядительные акты органов исполнительной власти данного наднационального образования [15].

Весь этот массив нормативных документов представляет собой структурированную, логически связанную и иерархически выстроенную базу данных, которая в смысловом плане представляет собой выражение господствующих на текущий момент и ближайшую перспективу представлений регулятора относительно того, в каком направлении должна развиваться сфера внешней торговли. При этом «тремя китами», на которые опирается нормативная пирамида, выступают торговая политика государства, национальные интересы и международные договоры, стороной которых выступает государство. В регулятивном аспекте данный массив представляет собой комплекс управляющих воздействий, направленных на формирование желательного поведения участников внешнеэкономической деятельности, как «устройства управления», и необходимых действий государственных и уполномоченных им институтов, включенных в контур управления в качестве компонентов «исполнительного механизма».

Второй структурный элемент – государственный контроль – образует в системе регулирования цепь обратной связи. Назначение контроля в сопоставлении желаемого и реального

результатов регулирования, обнаружении рассогласования и реализации мер по минимизации сигнала ошибки.

В анализируемой системе управления контрольная функция характеризуется предметной специализацией. Она заключается в существовании нескольких видов контроля сообразно количеству параметров, характеризующих в отдельности или в групповой совокупности определенную сторону внешнеторговой деятельности и выбранных системой как подлежащие отслеживанию в конкретных пространственных и временных условиях. Предметная специализация приводит к тому, что результат контроля носит аддитивный характер и определяется как успешный только в случае успешности прохождения каждого вида контроля. Вместе с тем специализация контроля указывает на то, что госрегулирование внешнеторговой деятельности следует определять как *многопараметрическую* систему управления.

Последнее обстоятельство предопределено сложностью внешнеторговой деятельности как объекта управления, определяемой в содержательном плане как деятельность по исполнению внешнеторговых сделок, то есть по исполнению отношений в части обмена полезностями между лицами, расположенными в разных странах. Под параметрами управления понимаются условия, показатели и результаты сделок, которые относятся государством к числу значимых с точки зрения его интересов и обязательств.

Примечательной особенностью подсистемы контроля государственного регулирования внешнеторговой деятельности является то, что некоторые виды контроля, включенные в контур управления, одновременно выступают источником информации для других регулятивных систем, для управления зоной ответственности которых сведения об операциях на внешних рынках имеют значение.

Описываемая ситуация – результат пересечения предметных областей самостоятельных систем управления, занесенных в реестр государственных функций. Однако самостоятельность не означает обособленность, поскольку при законодательно закреплении за каждой системой перечне решаемых задач и предоставленном комплексе полномочий результативность каждой такой системы определяется, в том числе, уровнем организации межсистемного обмена необходимой информацией и степенью согласованности их действий. Например, такие параметры, как объем и срок репатриации валютной выручки от реализации товаров на экспорт, относящиеся к ведению системы *валютного контроля*, и факт пересечения товаром границы при вывозе, фиксируемый в ходе *таможенного контроля*, относятся к сведениям, используемым *налоговой системой* при решении вопроса о возмещении НДС экспортеру.

Взаимосвязь разных видов контроля, обусловленная по большей части логикой изменения смежных параметров, связанных в свою очередь с событийной последовательностью внешнеторговой деятельности, обеспечивает комплексность реализации контрольной функции и имеет перспективу совершенствования на основе межведомственного информационного обмена.

Другая особенность госрегулирования внешнеторговой деятельности, также связанная с системой контроля, характеризуется тем, что исполнение контрольных функций сопровождается совершением ряда конкретных действий, таких, например, как осуществление грузовых и иных операций с товарами, отбор образцов товаров и проведение товарных экспертиз, сбор сведений и анализ полученной информации, оформление разрешений и т.п.

Совершение перечисленных и иных необходимых действий предполагает наличие специальной инфраструктуры,

в которой присутствует как *объектовая*, так и *институциональная* составляющие. К первой относятся, например, оборудованные пункты пропуска на границе, склады – свободные, таможенные и временного хранения. Вторую составляющую представляют, например, владельцы таможенных складов и (или) складов временного хранения, таможенные брокеры, таможенные перевозчики и т.п. Являясь технологической надстройкой, функционирующей, как правило, на платной основе, указанная инфраструктура создает административный навес в виде императивных обязательств участника внешнеэкономической деятельности, дополнительных к мерам прямого действия, таким, например, как меры тарифного и нетарифного регулирования, и потому де-факто выступает усилителем задающего воздействия системы.

Примечательно то, что на ряд принципиально важных характеристик инфраструктурного давления, таких, например, как расценки на обязательные для участника внешнеэкономической деятельности услуги лиц, действующих в сфере таможенного дела, компетенция регулятора не распространяется, и, следовательно, реальный уровень задающего воздействия им не контролируется. Другими словами, в подсистеме контроля присутствуют факторы, прямо влияющие на результаты управления, и остающиеся при этом вне зоны влияния регулятора. Такая ситуация вносит неопределенность и в процесс выбора уровня задающих воздействий и прогнозирование эффекта регулятором, и в процесс оценки издержек участником внешнеэкономической деятельности.

Подчеркнем, что в настоящее время на фоне предусмотренного соглашением о вступлении во Всемирную торговую организацию снижения уровня тарифной нагрузки на ввозимые товары, доля приходящихся на инфраструктуру контроля затрат участника внешнеэкономической деятельности в общем объеме фискальной нагрузки возрастает, ослабляя тем самым

связь между уровнем задающего воздействия и результатом регулирования.

В подавляющем большинстве случаев размер дополнительной финансовой и временной нагрузки на участника внешнеэкономической деятельности прямо связан с количеством проводимых контрольных мероприятий и их продолжительностью. Например, расценки за время нахождения в зоне таможенного контроля и тарифы на погрузо-разгрузочные работы, выполняемые в рамках таможенного досмотра товаров. По этой причине фиксация регулятором мер контроля на минимально необходимом количественном уровне, а также совершенствование технологии их исполнения должны способствовать предсказуемости работы системы, росту ее надежности и качества управления.

Третьей структурной составляющей системы управления внешнеторговой деятельностью выступает правовая ответственность, являющаяся логическим продолжением выполнения контрольных мероприятий и возникающая только в том случае, когда результаты контроля фиксируют расхождение желательного и фактического отклика, превышающее установленный предел. С регулятивной точки зрения задействованная правовая ответственность представляет собой *корректирующее воздействие* на устройство управления. Его практическая реализация предстает в виде наложения реального взыскания на лиц, виновных в том, что ошибка регулирования достигла недопустимого значения. Другая, не менее значимая сторона правовой ответственности связана с присущей ей потенциальной угрозой привлечения к ответу лиц, результатом действия или бездействия которых может стать отклонение вектора целей от направления, задаваемого алгоритмом управления.

Диапазон форм реализации корректирующего воздействия может изменяться от «мягкого» предложения исправить допущенную ошибку до применения в отношении устройства

управления мер безакцептного порядка. Фактически, правовая ответственность представляет собой инструмент волевого (силового) принуждения к действию в соответствии с установленным алгоритмом управления. Примечательно, что наказание как таковое не снимает необходимости соблюдения предписанных обязательств, игнорирование которых привело в действие механизм правовой ответственности.

Таким образом, рассмотрены суть и состав системы государственного регулирования внешнеторговой деятельности, включая распределение функциональных заданий в ней. Очевидно, что обеспечение эффективности действия системы, базирующейся на неустрашимом противоречии интересов регулятора и участника внешнеэкономической деятельности, связано, во-первых, с выбором уровня задающего воздействия, не выталкивающим подчиненную сторону за пределы правового поля, и, во-вторых, с ограничением роли инфраструктуры контроля, искажающей результаты регулирования.

В заключение ответим на вопрос о том, распространяются ли результаты проведенного анализа устройства и функционирования национальной системы госрегулирования внешнеторговой деятельности на аналогичные системы других стран? Иными словами, полученные результаты носят общий или частный характер? Ответ прост: и «да», и «нет».

За общность результатов выступает то, что любые регулятивные системы строятся на базе общей теории управления, а в применении к общественным системам – теории менеджмента.

Другим аргументом в пользу общности результатов служит тот факт, что абсолютное большинство стран (в настоящее время – 164)⁶, определяющих оборот международной торговли, являются

странами – участницами Всемирной торговой организации и, как следствие, выстраивают свои системы регулирования внешней торговли в соответствии с принципами этой организации.

Как известно, основополагающими принципами Всемирной торговой организации являются недискриминация; отказ от использования количественных и иных ограничений в торговле; транспарентность торговой политики и другие, которых обязуются придерживаться страны-участницы, вступая во взаимные торгово-экономические отношения, и которые предусматривают максимальное снижение (в идеале – упразднение) барьеров в международной торговле и отказ от протекционизма⁷.

Вместе с тем некоторые принципы Всемирной торговой организации уже несут в себе потенциальную угрозу дискриминационных и протекционистских проявлений, например, в случае введения мер неторгового характера (технических, санитарно-эпидемиологических и др.) и (или) предоставления преференциального режима товарам, происходящим с территории развивающихся и (или) наименее развитых стран.

Кроме того, большинство стран в ходе переговоров о вступлении во Всемирную торговую организацию добиваются возможности вывода из под действия принципа свободной торговли ряда важнейших для национальной экономики товаров, «выторговывая» им повышенный уровень защиты. Например, на момент вступления во Всемирную торговую организацию в 2001 г. китайское руководство договорилось об оставлении за собой права сохранения государственной монополии на торговлю такими товарами, как зерно, табак, топливо и минералы [16].

Наконец, реализация любого принципа, приверженность которому декларируется,

⁶ Members and Observers. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm

⁷ Understanding the WTO. What we stand for. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/what_stand_for_e.htm

может иметь национальные особенности, определяемые материально-техническими, культурными, историческими, когнитивными, ментальными и иными факторами. Например, особенность системы может характеризоваться частотой выбора одного из двух побудительных мотивов регуляторного воздействия – насущной необходимостью или правовой нормой.

Приведенные положения обосновывают существование частного в результатах анализа системы госрегулирующей внешнейторговой деятельности.

В целях установления примерного соотношения общего и частного был проведен анализ публикаций по теме проведенного исследования, который показал, что, в отличие от сформулированной цели настоящей работы, авторы концентрируются на отдельных аспектах государственного регулирования внешней торговли, включающих оценку влияния регулятивной системы на показатели международной

торговли [17–19]; применение отдельных инструментов регулирования в виде мер тарифного [20–22] и нетарифного регулирования [23–25], антидемпинговых мер [26–28]; проблематику реализации положений общей системы тарифных предпочтений в торговых отношениях с развивающимися и наименее развитыми странами [29, 30]; совершенствование системы таможенного регулирования, в том числе в составе региональных структур [31–33] и т.п.

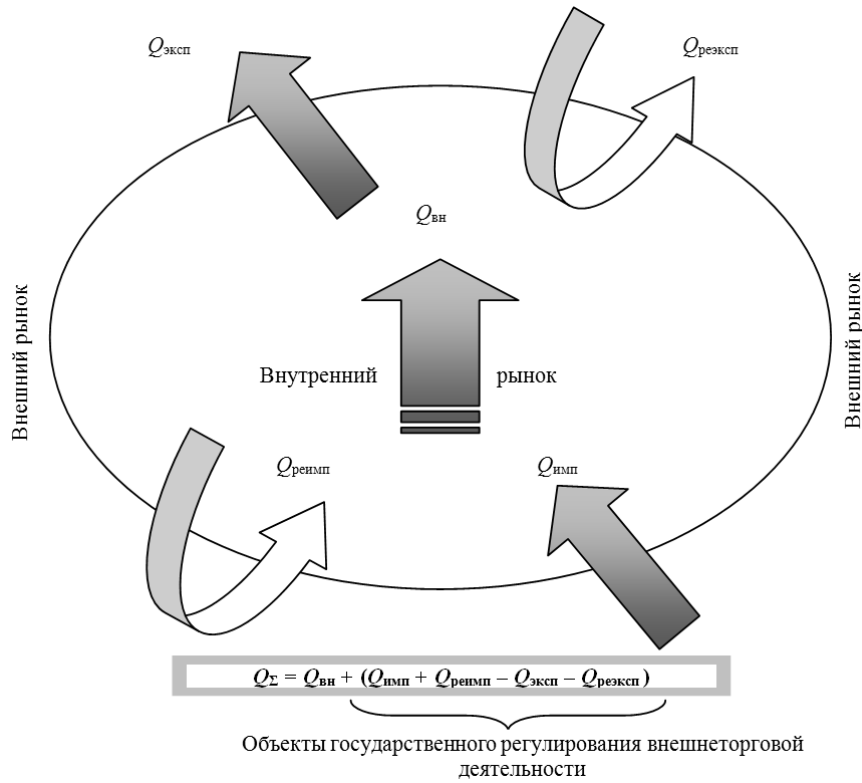
Отсутствие научных публикаций, корреспондирующих с темой настоящего исследования в его направленности на выявление сущностных основ функционирования системы регулирования общественных отношений, связанных с внешней торговлей, выгодно отличает данную работу. Дальнейшее движение в направлении осмысления работы рассматриваемой системы – исследование механизма взаимодействия ее структурных компонентов в соответствии с заданным алгоритмом.

Рисунок 1

Составляющие совокупного внутреннего предложения

Figure 1

Components of total domestic supply

Примечание. Q_{Σ} – совокупное внутреннее предложение; $Q_{\text{вн}}$ – объем внутреннего производства; $Q_{\text{имп}}$ – объем импорта, $Q_{\text{реимп}}$ – объем реимпорта; $Q_{\text{эксп}}$ – объем экспорта; $Q_{\text{резэксп}}$ – объем реэкспорта.

Источник: авторская разработка

Note. Q_{Σ} – total domestic supply; $Q_{\text{вн}}$ – volume of domestic production; $Q_{\text{имп}}$ – volume of import, $Q_{\text{реимп}}$ – volume of re-import; $Q_{\text{эксп}}$ – volume of export; $Q_{\text{резэксп}}$ – volume of re-export.

Source: Authoring

Рисунок 2

Содержание и состав системы государственного регулирования внешнеторговой деятельности

Figure 2

Content and components of the State regulation of foreign trade system

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. *Новикова И.В.* Глобализация, государство и рынок: ретроспектива и перспектива взаимодействия: монография. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2009. 218 с.
2. *Долгов С.И., Савинов Ю.А.* Новые направления развития глобализации мировой экономики // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2015. № 8. С. 9–27.
3. *Занг В.-Б.* Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории. М.: Мир, 1999. 335 с.
4. *Рыскин Н.М., Балякин А.А., Дмитриева Т.В.* Нелинейная динамика распределенных систем. Saarbrücken, Germany, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 504 с.
5. *Хакен Г.* Синергетика: Принципы и основы. Перспективы и приложения. Ч. 2: Перспективы и приложения: Иерархии неустойчивости в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: УРСС; ЛЕНАНД, 2015. 432 с.
6. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 416 с.
7. *Спирина Н.А., Трофимова О.М.* Влияние региональной интеграции на экономику развитых стран: опыт Европейского союза // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2015. № 11. С. 22–35.
8. *Костюнина Г.М.* Экономическое сообщество АСЕАН: направления и перспективы формирования // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2015. № 12. С. 14–32.
9. *Соколянская А.Н.* Опыт стран АСЕАН в упрощении процедур торговли // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2016. № 7. С. 67–78.
10. *Сосковец О.Н.* Евразийская интеграция в условиях глобализации мировых рынков // *Труды Вольного экономического общества России*. 2014. Т. 185. С. 36–46.
URL: http://www.veorus.ru/upload/iblock/bd3/185_veor_iue.pdf
11. *Кадочников П.А., Стапран Н.В.* Транстихоокеанское партнерство: основные обязательства участников и последствия международной торговли // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2016. № 2. С. 21–31.
12. *Соколов В.В.* Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве: новые положения в международных экономических соглашениях // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2016. № 11. С. 56–69.
13. *Спартак А.Н.* Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство: возможные эффекты для России и ЕАЭС // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2016. № 6. С. 3–17.
14. *Клочко О.А.* Интегрированная модель создания и функционирования международных стратегических альянсов // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2014. № 12. С. 59–61.
15. *Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев С.Н.* 25 лет Содружеству и новые возможности экономического сотрудничества // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2016. № 12. С. 3–7; 2017. № 1. С. 3–16.
16. *Цзян Фэн.* КНР: государственное регулирование внешнеэкономической деятельности // *Человек и труд*. 2012. № 5. С. 55–57.

17. Aaronson S.A., Abouharb M.R. Does the WTO Help Member States Improve Governance? *World Trade Review*, 2014, vol. 13, iss. 3, pp. 547–582. doi: 10.1017/S1474745613000244
18. Hoekman B. Operationalizing the Concept of Policy Space in the WTO: Beyond Special and Differential Treatment. *Journal of International Economic Law*, 2005, vol. 8, iss. 2, pp. 405–424. doi: 10.1093/jielaw/jgi027
19. Brexit – Customs Borders Will Impose Costs and Delays. *Economic Outlook*, 2017, vol. 41, iss. 2, pp. 11–18. doi: 10.1111/1468-0319.12273
20. Жамкеева М. Мировой опыт таможенно-тарифного регулирования внешнеэкономической деятельности. *Актуальні проблеми економіки*. 2012. № 9. С. 303–310.
21. Arsham H. Modeling tariff to analyze protectionism. *International Journal of Pure and Applied Mathematics*, 2013, vol. 84, iss. 4, pp. 389–396. doi: 10.12732/ijpam.v84i4.9
22. Azhimetov Y. Customs duty as the basic customs payment: Features of legal regulation. *Life Science Journal*, 2014, vol. 11, iss. 7, pp. 259–263.
23. Marette S. Non-Tariff Measures When Alternative Regulatory Tools Can Be Chosen. *Journal of Agricultural and Food Industrial Organization*, 2016, vol. 14, iss. 1, pp. 1–17. doi: 10.1515/jafio-2015-0009
24. Beghin J., Disdier A.-C., Marette S., Van Tongeren F. Welfare costs and benefits of non-tariff measures in trade: A conceptual framework and application. *World Trade Review*, 2012, vol. 11, iss. 3, pp. 356–375. doi: 10.1017/S1474745612000201
25. Cadot O., Gourdon J. Non-tariff measures, preferential trade agreements, and prices: new evidence. *Review of World Economics*, 2016, vol. 152, iss. 2, pp. 227–249. doi: 10.1007/s10290-015-0242-9
26. Issabekov N., Suchecki A.M. Analysis of the EU Anti-dumping Policy in Terms of the Revealed Comparative Advantages. *Comparative Economic Research*, 2016, vol. 19, iss. 5, pp. 43–61. doi: 10.1515/ce-2016-0037
27. Feinberg R.M. Antidumping and Industrial Organization. *Review of Industrial Organization*, 2013, vol. 42, iss. 4, pp. 365–368. doi: 10.1007/s11151-013-9384-x
28. Xiang H., Zongxian F., Xuyuan L. Research on early warning system for antidumping petition: Based on panel data logit model. *Journal of Chinese Economic and Foreign Trade Studies*, 2011, vol. 4, iss. 3, pp. 158–172. doi: 10.1108/17544401111178203
29. Galvín M.Á.C. The new regulation of the EU tariff preferences for developing countries for the period 2014–2023: Towards a system of preferences "non-generalized". *Revista de Derecho Comunitario Europeo*, 2013, vol. 45, iss. 17, pp. 833–856.
30. Flento D., Ponte S. Least-Developed Countries in a World of Global Value Chains: Are WTO Trade Negotiations Helping? *World Development*, 2017, vol. 94, iss. 1, pp. 366–374. doi: 10.1016/j.worlddev.2017.01.020
31. Lomeiko Y.A. Customs regulation and control in the context of external economic relations development in Ukraine. *Actual Problems of Economics*, 2015, vol. 166, iss. 4, pp. 75–93.
32. Dossymbekova M., Suleimanov A.F., Baizhanova K. et al. Legal aspects of customs activity in the framework of the EAEC. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2016, vol. 7, iss. 6, pp. 1346–1361.

33. Harun M.B., Abdullah W.M.B.W., Johan M.N.B. A case study of custom regulatory process towards ASEAN integration. *International Business Management*, 2016, vol. 10, iss. 17, pp. 3747–3761.

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

STATE REGULATION OF FOREIGN TRADE ACTIVITIES. COMPOSITION OF THE SYSTEM'S FUNCTIONAL TASKS**Sergei P. OLEINIK^{a,*}, Larisa I. MATYNA^b**^a National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russian Federation
0111959sp@mail.ru^b National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russian Federation
dci@miee.ru

* Corresponding author

Article history:Received 20 April 2017
Received in revised form
14 July 2017
Accepted 18 August 2017
Available online
28 September 2017**JEL classification:** F13, H11**Keywords:** State regulation,
foreign trade, infrastructure,
control, adoptive system**Abstract****Subject** The article addresses the organization and operation of the modern system of State regulation of foreign trade activities.**Objectives** The study aims to identify the essence, characteristics and specifics of State regulation of foreign trade activities.**Methods** We review relevant literature on the analysis of external trade function. The study rests on systems approach, synthesis and generalization, logical analysis, and management theory elements.**Results** We describe the process of State regulation of foreign trade from the conceptual, structural and functional perspective. We show that regulation is implemented through norm-setting, control measures and legal liability being imperative conditions for foreign trade operations. The administrative type of relationships, which forms the legal basis of the system, predetermines a number of fundamental characteristics of its functioning, including negative ones that reduce the efficiency of the regulatory process.**Conclusions and Relevance** To ensure efficient operation of the system, which is based on the conflict of interests of the State regulator and participants of foreign economic activities, it is important to have adequate legal framework and limit the role of the infrastructure of control that distorts the results of the regulation.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2017

Please cite this article as: Oleinik S.P., Matyna L.I. State Regulation of Foreign Trade Activities. Composition of the System's Functional Tasks. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2017, vol. 16, iss. 9, pp. 1739–1758.
<https://doi.org/10.24891/ea.16.9.1739>**References**

1. Novikova I.V. *Globalizatsiya, gosudarstvo i rynek: retrospektiva i perspektiva vzaimodeystviya: monografiya* [Globalization, the State and the market: A retrospective and prospects for cooperation: a monograph]. Minsk, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus Publ., 2009, 218 p.
2. Dolgov S.I., Savinov Yu.A. [New directions for development of globalization of the world economy]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*, 2015, no. 8, pp. 9–27. (In Russ.)
3. Zhang W.-B. *Sinergeticheskaya ekonomika. Vremya i peremeny v nelineinoi ekonomicheskoi teorii* [Synergetic Economics: Time and Change in Nonlinear Economics]. Moscow, Mir Publ., 1999, 335 p.
4. Ryskin N.M., Balyakin A.A., Dmitrieva T.V. *Nelineinaya dinamika raspredelennykh sistem* [Non-linear dynamic of distributed systems]. Saarbrücken, Germany, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011, 504 p.
5. Haken H. *Sinergetika: Printsipy i osnovy. Perspektivy i prilozheniya. Ch. 2: Perspektivy i prilozheniya: Ierarkhii neustoichivosti v samoorganizuyushchikhsya sistemakh i ustroistvakh*

- [Beiträge zur Geschichte der Synergetik: Allgemeine Prinzipien der Selbstorganisation in Natur und Gesellschaft]. Moscow, URSS, LENAND Publ., 2015, 432 p.
6. Panarin A.S. *Iskushenie globalizmom* [Tempting by globalism]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2002, 416 p.
 7. Spirina N.A., Trofimova O.M. [The Impact of Regional Integration on the Developed Economies: the EU experience]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*, 2015, no. 11, pp. 22–35. (In Russ.)
 8. Kostyunina G.M. [ASEAN Economic Community: directions and prospects of formation]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*, 2015, no. 12, pp. 14–32. (In Russ.)
 9. Sokolyanskaya A.N. [Experience of ASEAN Countries in Trade Facilitation]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*, 2016, no. 7, pp. 67–78. (In Russ.)
 10. Soskovets O.N. [Eurasian Integration under Globalization of World Markets]. *Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 2014, vol. 185, pp. 36–46. (In Russ.)
URL: http://www.veorus.ru/upload/iblock/bd3/185_veor_iue.pdf
 11. Kadochnikov P.A., Stapan N.V. [Transpacific Partnership: the Main Obligations of Participants and a Consequence for International Trade]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*, 2016, no. 2, pp. 21–31. (In Russ.)
 12. Sokolov V.V. [Trans-Pacific Partnership: New Positions in the International Economic Agreements]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*, 2016, no. 11, pp. 56–69. (In Russ.)
 13. Spartak A.N. [Transatlantic Trade and Investment Partnership: Possible Impacts on Russia and the Eurasian Economic Union]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*, 2016, no. 6, pp. 3–17. (In Russ.)
 14. Klochko O.A. [An integrated model of creation and operation of international strategic alliances]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*, 2014, no. 12, pp. 59–61. (In Russ.)
 15. Ziyadullaev N.S., Ziyadullaev S.N. [25 years of CIS and new economic opportunities for cooperation]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*, 2016, no. 12, pp. 3–7, 2017, no. 1, pp. 3–16. (In Russ.)
 16. Tszyan Fen. [PRC: State regulation of foreign trade activities]. *Chelovek i trud = Man and Labor*, 2012, no. 5, pp. 55–57. (In Russ.)
 17. Aaronson S.A., Abouharb M.R. Does the WTO Help Member States Improve Governance? *World Trade Review*, 2014, vol. 13, iss. 3, pp. 547–582. doi: 10.1017/S1474745613000244
 18. Hoekman B. Operationalizing the concept of policy space in the WTO: Beyond special and differential treatment. *Journal of International Economic Law*, 2005, vol. 8, iss. 2, pp. 405–424. doi: 10.1093/jielaw/jgi027

19. Brexit – Customs borders will impose costs and delays. *Economic Outlook*, 2017, vol. 41, iss. 2, pp. 11–18. doi: 10.1111/1468-0319.12273
20. Zhamkeeva M. [World experience in customs and tariff regulation of foreign economic activities]. *Aktual'ni problemi ekonomiki*, 2012, no. 9, pp. 303–310. (In Russ.)
21. Arsham H. Modeling tariff to analyze protectionism. *International Journal of Pure and Applied Mathematics*, 2013, vol. 84, iss. 4, pp. 389–396. doi: 10.12732/ijpam.v84i4.9
22. Azhimetov Y. Customs Duty as the Basic Customs Payment: Features of Legal Regulation. *Life Science Journal*, 2014, vol. 11, iss. 7, pp. 259–263.
23. Marette S. Non-Tariff Measures When Alternative Regulatory Tools Can Be Chosen. *Journal of Agricultural and Food Industrial Organization*, 2016, vol. 14, iss. 1, pp. 1–17. doi: 10.1515/jafio-2015-0009
24. Beghin J., Disdier A.-C., Marette S., Van Tongeren F. Welfare costs and benefits of non-tariff measures in trade: A conceptual framework and application. *World Trade Review*, 2012, vol. 11, iss. 3, pp. 356–375. doi: 10.1017/S1474745612000201
25. Cadot O., Gourdon J. Non-tariff measures, preferential trade agreements, and prices: New evidence. *Review of World Economics*, 2016, vol. 152, iss. 2, pp. 227–249. doi: 10.1007/s10290-015-0242-9
26. Issabekov N., Suchecki A.M. Analysis of the EU Anti-dumping Policy in Terms of the Revealed Comparative Advantages. *Comparative Economic Research*, 2016, vol. 19, iss. 5, pp. 43–61. doi: 10.1515/cer-2016-0037
27. Feinberg R.M. Antidumping and Industrial Organization. *Review of Industrial Organization*, 2013, vol. 42, iss. 4, pp. 365–368. doi: 10.1007/s11151-013-9384-x
28. Xiang H., Zongxian F., Xuyuan L. Research on early warning system for antidumping petition: Based on panel data logit model. *Journal of Chinese Economic and Foreign Trade Studies*, 2011, vol. 4, iss. 3, pp. 158–172. doi: 10.1108/17544401111178203
29. Galvín M.Á.C. La nueva regulación de las preferencias arancelarias de la UE en favor de los países en desarrollo para el período 2014–2023: hacia un sistema de preferencias "no generalizadas". *Revista de Derecho Comunitario Europeo*, 2013, vol. 45, iss. 17, pp. 833–856.
30. Flento D., Ponte S. Least-Developed Countries in a World of Global Value Chains: Are WTO Trade Negotiations Helping? *World Development*, 2017, vol. 94, iss. 1, pp. 366–374. doi: 10.1016/j.worlddev.2017.01.020
31. Lomeiko Y.A. Customs regulation and control in the context of external economic relations development in Ukraine. *Actual Problems of Economics*, 2015, vol. 166, iss. 4, pp. 75–93.
32. Dossymbekova M., Suleimanov A.F., Baizhanova K. et al. Legal aspects of customs activity in the framework of the EAEC. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2016, vol. 7, iss. 6, pp. 1346–1361.

33. Harun M.B., Abdullah W.M.B.W., Johan M.N.B. A case study of custom regulatory process towards ASEAN integration. *International Business Management*, 2016, vol. 10, iss. 17, pp. 3747–3761.

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.